

Л.Л. Ивченко

«АДСКОЕ ДЕЛО» ПРИ ШЕВАРДИНЕ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

«5 сентября 1812 года состоялся первый акт Бородинского сражения – бой за Шевардинский редут. В результате упорной борьбы к позднему вечеру 5 сентября редут окончательно перешел в руки французов. Это обстоятельство во многом предопределило направление главной атаки французской армией русских позиций 7 сентября», – говорится в книге В.Н. Земцова и А.И. Попов, название которой – «Бородино. Южный фланг» – говорит само за себя. Таким образом, последствия «дела при Шевардине» ни для кого не тайна, в то время как его причина до сих пор вызывает различные предположения историков, что неудивительно. По мнению В.Н. Земцова, самое «убедительное объяснение действиям Наполеона – необходимость как можно ближе разглядеть русскую позицию и развернуть перед сражением на местности свою армию», но французскому полководцу мешали русские войска, сосредоточенные у редута.

К.Ф. Толь, пользовавшийся особым доверием М.И. Кутузова, впоследствии пояснил: «Главный предмет... при построении сего редута состоял в том, чтобы открыть направление неприятельских сил и, если возможно, главное намерение Императора Наполеона»¹. В этом случае намерения обеих сторон произвести «большую рекогносцировку» (В.И. Левенштерн) даже совпадали. Но чем объяснить ожесточенную схватку, в которую включились все войска 2-й Западной армии, за «обословленное сооружение, которое даже в случае его потери ничего не меняло в системе обороны*»? К.Ф. Толь поведал и о причинах сильного

* Именно такое определение дано укреплению в одном из первых сообщений о Бородинской битве в Официальных известиях из армии от 27 августа 1812 г.

нападения противника: «Построенный нами 24-го числа редут, а также егеря, засевшие в рвах и кустарниках на правом берегу реки Колочи и занимавшие деревни Фомкино, Алексинки и Доронино, весьма затрудняли приближение неприятеля по большой дороге (курсив наш. – Л.И.), вследствие чего Наполеон приказал 1-го корпуса дивизии Компана, переправясь через речку Колочу, вытеснить егерей и овладеть вышеупомянутым редутом»². Версию К.Ф. Толя в свое время безоговорочно поддержало первое поколение историков – участников событий 12-го года (Д.П. Бутурлин, А.И. Михайловский-Данилевский). В наиболее «радикальном» варианте эта версия представлена в сочинении Д.П. Бутурлина: «Огонь, производимый из редута, при селе Шевардине построенного, равно и российскими стрелками, засевшими в оврагах и кустарниках правого берега реки Колочи... весьма беспокоивал прохождение неприятельских колонн по большой дороге. Наполеон, *выведенный из терпения потерями, еще до сражения понесенными его войсками* (курсив наш. – Л.И.), и к тому же еще решившийся действовать правым крылом своим, приказал королю Неаполитанскому перейти речку Колочу с его кавалерией и пехотной дивизией генерала Компана от корпуса маршала Даву, назначенной для овладения российским редутом»³. В отечественной историографии именно эта точка зрения, как известно, на долгие годы обрела статус традиции, хотя «упрямые факты» с самого начала позволяли усомниться в ее достоверности. Современный исследователь А.А. Смирнов подвел итог несообразностям, содержащимся в сочинениях маститых историков: «...Шевардинский редут был удален от Новой Смоленской дороги почти на 1700 м (800 сажений). Тактическая же дальность стрельбы из самых крупнокалиберных полевых орудий – 12-фунтовых пушек средней пропорции – не превышала 1200 м. Дальность наиболее эффективного огня была вдвое меньше. Конечно, стрелять из орудий, стоявших в редуте, по Новой Смоленской дороге можно было, но такая стрельба не могла нанести “большой урон” неприятелю». По сходной причине трудно предположить, что наступающие колонны Великой армии сильно страдали от ружейного огня наших егерей, которые находились в 250–300 м от большой дороги, «а это – предельная дальность стрельбы из пехотного ружья образца 1808 г.»⁴. Совершенно очевидно, что неприятельские колонны на «большой дороге» для русских войск были вне досягаемости. Открытым остался вопрос о том, что же тогда явилось причиной столь яростного нападения на «русский редут», остался открытым.

В «Записках генерала А.П. Ермолова», бывшего начальника Главного штаба 1-й Западной армии, представлен несколько иной взгляд

на события 24 августа: «В версте от левого крыла проходила чрез лес старая почтовая на Можайск дорога, склоняясь в обход позиции. Князь Кутузов, осматривая расположение войск, приказал отклонить левое крыло так, чтобы глубокая лощина пролежала пред его фронтом... За сею переменою редут, оставаясь далее пушечного выстрела, сделался совершенно для нас бесполезным, и потому защищать и удерживать его не нужно было. Неприятель появился на высотах против лагеря прежде, нежели переменили позицию левого крыла, как о том приказано было Кутузовым»⁵. Согласно этому свидетельству, 2-я Западная армия подверглась нападению во время перемены позиции. Этим происшествием, безусловно, можно объяснить и целеустремленность нападавших, и упорство оборонявшихся, но для чего тогда русским артиллеристам понадобилось открывать огонь с редута, удаленного на полторы версты от Новой Смоленской дороги, и привлекать тем самым внимание неприятеля к левому флангу русской позиции в столь неподходящий момент?

Свидетельство Ермолова о том, что редут следовало оставить после изменения позиции левого фланга опровергается рапортом самого Кутузова Александру I от 25 августа 1812 г., где полководец назвал вещи своими именами: «...24-го числа с отступлением арьергарда к кордебаталя неприятель предпринял направление в важных силах *на левой наш фланг* (курсив наш. – Л.И.), находящийся под командою князя Багратиона. Видев стремление неприятеля главнейшими силами на сей пункт, дабы сделать таковой надежнее, признал я за нужное загнуть оный к прежде сего укрепленным возвышениям»⁶. То есть левый фланг действительно переменил позицию во время нападения неприятеля. Об этом же сообщил императору Барклай де Толли: «23-го сопровождал я князя Кутузова при осмотре левого фланга, то есть места, назначенного для 2-й армии. <...> Князь Багратион донес князю Кутузову, что в настоящем положении левый его фланг подвергали настоящей опасности; наконец, решено, что в случае нападения неприятельского, сей фланг отступит и станет между упомянутой высотой и деревней Семеновское. На сей предмет предписано было построение батарей и редутов. Я не постигал, почему сему движению надлежало исполниться по нападении неприятеля, а не заблаговременно»⁷. Слова главнокомандующего 1-й армией позволяют предположить, что Кутузов и Багратион сошлись во мнении, что левый фланг отступит «в случае нападения неприятельского». Смысл этого решения отчасти разъяснил в своем дневнике начальник Главного штаба 2-й Западной армии генерал-лейтенант граф

Э.Ф. де Сен-При: «Занялись также укреплением высоты, которая находилась... возле деревни Шевардино, но только для того, чтобы наблюдать за движением неприятеля и *поддержать отступление арьергарда* (курсив наш. – Л.И.)»⁸.

Итак, в дневнике графа Э.Ф. де Сен-При возникает проблемная тема, которая должным образом не привлекала внимание исследователей, а именно: действия арьергарда, точнее, арьергардов в период с 17 августа до 24 августа. Представляется, что в историографии Бородинского сражения произошел неоправданный разрыв в описании событий 24 августа, где действия арьергардов и «Шевардинское дело» представлены в качестве двух отдельных сюжетов. Более того, в научно-публицистическом издании В. Хлесткина «Канун Бородина», где автор бросает вызов «распространенному мнению», содержится утверждение, которое хочется привести в качестве примера пренебрежительного отношения к источникам: «24 августа выбор, осторожный выбор Кутузова означался – армия присоединила к себе арьергард, стоя на позиции. Вопреки распространенному мнению, она присоединила к себе арьергард довольно рано, еще „поутру“, а это, в свою очередь, означает, что Шевардинское сражение, которое, по совокупности всех источников, началось не ранее 2 часов пополудни, произошло вовсе не в результате столкновения французского арьергарда с Бородинской позицией, как о том пишет Барклай, но было вполне рассчитанным и расчетливым действием со стороны Наполеона, которое, добавим, он предпринял лишь после предварительного знакомства с русской позицией»⁹.

Что сказать о «совокупности всех источников»? Мнения русских военачальников в этом вопросе расходятся, что свидетельствует об актуальности темы. Так, Сен-При отмечал, не скрывая досады: «...Надеялись, что арьергард может задержать атаку неприятеля еще в течение 24-го числа и даст время окончить укрепления. Но с трех часов по полудни арьергард находился в полном отступлении, и успели лишь занять артиллерией высоты и разрушить деревню Семеновку (Семеновское. – Л.И.), которую не могли укрепить за недостатком инструментов. Только три флешы левее этой деревни были окончены»¹⁰. М.Б. Барклай де Толли, напротив, с гордостью за подчиненных сообщал в письме, предназначенном государю: «24-го числа пополудни арьергард под начальством генерал-лейтенанта Коновницына, остававшийся неприятеля на каждом шагу, отступил к позиции армии; неприятель, преследуя его, столкнулся с упомянутым редутом на левом фланге армии, близкое расстояние оно понудило его к быстрому нападе-

нию...»¹¹ У Сен-При события разворачиваются в 15.00, а у Баркляя де Толли – в полдень. Время, указанное в рапорте Кутузова – 14.00, в то время как князь П.И. Багратион доносил императору, так же как и Кутузов, не смущаясь подробностями: «Неприятель, шедши непрерывно за нашими армиями, 24-го числа, сбивая наши аванпосты и тесня их, сблизился к линии армиями занимаемой в 10 часов утра (курсив наш. – Л.И.). В сие время сражение началось кровопролитное и продолжалось 9 часов до самой глубокой ночи: стремление неприятеля в важных силах обращено было, можно сказать, главнейшее на один левый фланг, занимаемый вверенною мне второю армиею»¹².

Сложная хронометрическая картина Бородинской битвы 26 августа, сложившаяся в отечественной историографии, уже привлекала наше внимание¹³, однако на этот раз речь идет о локальном сюжете 24 августа, который трудно назвать «уравнением со многими неизвестными». Почему же тогда русские военачальники, описывая «Шевардинское дело», брали за точку отсчета столь разное время: от 10.00 до 15.00. Наиболее вероятным объяснением представляется, что каждый из них соразмерял время с обстоятельствами, в которых находились непосредственно подчиненные им войска. Как бы парадоксально это ни выглядело, но перед войсками, входившими в арьергард Коновницына, стояли разные задачи, которые определялись тем, к какой армии принадлежали эти войска и, следовательно, на каком участке позиции им надлежало «войти в линию». Согласно рапортам генерал-лейтенанта Коновницына, войска из 1-й Западной армии, входившие в арьергард, успешно оторвались от преследования и «довольно рано» у села Бородина беспрепятственно «вошли в линию» с остальными войсками правого фланга. Он и не упомянул о Шевардинском редуте, в то время как, по словам Сен-При, «наш арьергард был оттеснен в сферу огня отдельного неоконченного редута близ Шевардина»¹⁴. Действительно, возникла реальная угроза того, что арьергард на своих плечах принесет неприятеля на еще не сформированный левый фланг. Очевидно, речь здесь не идет о той части арьергарда под командованием Коновницына, которая состояла из войск 1-й Западной армии. Эта версия нашла подтверждение в «Записках... Ермолова»: «Августа 24-го числа арриергард, стремительно атакованный, долго защищаясь против собравшихся превосходных сил неприятеля, должен был наконец *вступить рано в позицию* (курсив наш. – Л.И.). На левом крыле часть арриергарда, составленная из войск 2-й армии отступала так поспешно и о движении своем не предвеляя армию, что преследующий неприятель появился на высотах прежде, не-

жели переменена была позиция по указанию князя Кутузова. Передвижение производилось перед лицом неприятеля, и как ни быстро было совершено, дан был неприятелю повод к атаке. Беспольный редут надлежало удерживать по необходимости, дабы войскам дать время занять назначенную им линию, иначе мог неприятель препятствовать и даже привести войско в замешательство»¹⁵.

Но можно ли было ожидать более успешного действия от арьергарда 2-й Западной армии после того, как он «расстался» с арьергардом 1-й Западной армии? Где и как он присоединился к войскам 2-й Западной армии? И в котором часу это произошло? И не его ли поджидал на позиции у Шевардинского редута «отряд князя Горчакова», не зная откуда появится «южный отряд» (так называл арьергард 2-й армии Н.П. Поликарпов. – *Л.И.*), двигавшийся от Колоцкого монастыря по Старой Смоленской дороге? Согласно «совокупности источников» – рапортам генерал-майора графа К.К. Сиверса и генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, – ни Кутузов, ни Багратион не могли заранее предвидеть, в каком виде появится перед позицией, занятой соединенными армиями, даже «общий арьергард», преследуемый «неотвязчивым неприятелем» (П.И. Багратион). По поводу того, как сумеет примкнуть к армии арьергард графа Сиверса, должны были возникать серьезные опасения.

Первым отразил в своих трудах эту тему полковник Н.П. Поликарпов¹⁶. Благодаря архивным изысканиям бывшего начальника Лефортовского архива (РГВИА), можно установить очевидную связь между действиями арьергарда 2-й армии и «адским делом при Шевардине» (М.И. Кутузов). Однако в его исследованиях есть существенный недостаток: Н.П. Поликарпов невнимательно следил за изменениями в составе войск, входивших в «южный отряд», за коллизиями, возникавшими во взаимоотношениях в среде российского генералитета по мере обострения ситуации, вызванной настойчивым преследованием со стороны неприятеля, стремившегося навязать русским войскам генеральное сражение. Сосредоточившись почти исключительно на описании боевых действий, автор не обращал внимания на объективные сложности, возникавшие в управлении арьергардами обеих армий, которые отразились в синхронных документах, дополняющих наши представления о событиях при Бородине. По мнению Н.П. Поликарпова, в «левый» или «южный» отряд под начальством генерал-майора графа К.К. Сиверса входил сводный егерский отряд шефа 5-го егерского полка полковника Гогеля 1-го: 5-й и 42-й егерские полки (егерская бригада 26-й пехотной дивизии), 50-й егерский полк из 27-й пехотной дивизии; драгунская бригада

полка полковника Г.А. Эммануэля, Литовский уланский и Ахтырский гусарский полки из 4-го кавалерийского корпуса генерал-майора графа Сиверса; 9-я конная рота из 3-й резервной артиллерийской бригады (полковника Паркенсона). Кроме регулярных войск, в аррьергард 2-й Западной армии входили казачьи полки Войска Донского под общим командованием генерал-майора Карпова 2-го: полковника Быхалова 1-го, войскового старшины Грекова 21-го, полковника Иловайского 10-го, полковника Иловайского 11-го, генерал-майора Карпова 2-го, войскового старшины Комиссарова 1-го, войскового старшины Мельникова 4-го, полковника Сыроева 3-го. Единожды указав состав аррьергарда 2-й армии в «Боевом календаре-ежедневнике...», Н.П. Поликарпов почему-то не вносит изменения вплоть до 24 августа, всякий раз начиная с одной и той же фразы: «Состав его указан в начале сведений о боях этого аррьергарда 17 (29) августа»¹⁷.

Утром 17 августа аррьергард графа Сиверса начал отступать по Старой Смоленской дороге, стараясь «держаться на одной линии» с центральным аррьергардом под командованием генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, прикрывавшего главные силы 1-й Западной армии на Новой Смоленской дороге. По мере отступления аррьергарда 1-й армии отступал и аррьергард 2-й Западной армии, двигаясь от д. Быково, расположенной в 10 верстах от Вязьмы, к с. Успенскому, откуда Сиверс рапортом известил князя П.И. Багратиона в «5 часов с половиною»: «После несколько пушечных выстрелов аванпосты первой армии за селение Митино, а 2-й за село Козлов начали отступать. Неприятельская колонна пехоты имеет направление между обеими означенными местами. Генерал-лейтенант Коновницын известил меня, что он отправляет пехоту и с кавалерией не будет заводить дело. По мере его отступления произведу отступление мое. Не упущу сколь можно чаще Вашему Сиятельству донести о том, что далее происходить будет»¹⁸. Неприятель стал теснить оба аррьергарда, вклинившись сильной колонной между д. Митьково (Митино), где оборонялись войска Коновницына, и упомянутым селением Козлово, угрожая обойти казачьи полки Карпова 2-го, который вовремя отступил к д. Борщевка, откуда Сиверс вновь направил рапорт князю П.И. Багратиону: «Неприятель довольствовался тем, что казачьи аванпосты 1-й армии отступили из селения Митино (Митьково. – Л.И.) и против командуемого мною арриергарда занял село Теплевева, угрожая генерал-майору Карпову его в том месте обходить. Оба арриергарда занимают все места сегодняшней позиции. Ожидаю от генерал-лейтенанта Коновницына уведомление, какое предпринять [дви-

жение]. О чем Вашему Сиятельству также буду иметь честь донести. Получ[ен] августа 20-го 1812»¹⁹.

18 августа, в то время как главные силы 1-й Западной армии находились у с. Царево-Займище, а 2-я Западная армия – у д. Зайцево, вновь назначенный Главнокомандующий соединенными армиями генерал от инфантерии светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов, после беседы с М.Б. Барклаем де Толли, направил князю Багратиону письмо следующего содержания: «Милостивый государь мой князь Петр Иванович! По объяснению со мной Михайлы Богдановича [Барклая де Толли], что кавалерия 1-й армии чрез употребление оной долгое время в авангарде вместо казачьих полков, при оной не состоявших, ослабела до того, что на некоторое время нужно отдохновение и, следственно, замещение оной другою кавалериею, я по сему обращаюсь к Вашему Сиятельству с тем, чтобы Вы, милостивый государь мой, приказали завтрашнего числа в помощь арриергарду 1-й армии в приличном месте выставить 15 эскадронов»²⁰. По словам Н.П. Поликарпова, «ген[ерал]-майор Сиверс 1-й выслал из своего арьергарда, по приказанию ген[ерала] князя Багратиона, для поддержки арьергарда г[енерал]-л[ейтенанта] Коновницына Черниговский, Харьковский драгун[ские] и Литовский улан[ский] полки под общей командой шефа Черниговского драгун[ского] полка г[енерал]-м[айора] Панчулидзева 1-го. Это и были те 15 эскадронов, которые князь Кутузов просил ген[ерала] князя Багратиона “выставить в приличном месте в помощь арьергарду 1-й армии”»²¹. Итак, в состав «центрального арьергарда» вошла бригада Панчулидзева 1-го (Харьковский и Черниговский драгунские полки).

Предписание, по-видимому, вызвало неудовольствие «второго Главнокомандующего». Даже если князь Багратион и отправил эти полки в «приличное место», то тут же, со своей стороны, выдвинул возражение, суть которого сводилась к тому, что кавалерия 2-й армии ослабела не менее, чем кавалерия 1-й армии, хотя бы потому, что во 2-й армии ее было значительно меньше. Казачий корпус Платова, содействием которого в период отступления от Немана попрекнул Багратиона Барклай де Толли, оставил 2-ю армию еще до соединения обеих армий под Смоленском. О том, что Кутузов принял во внимание аргументы князя Багратиона, свидетельствует донесение генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли императору Александру I, датированное 19 августа 1812 г.: «Кавалерия 1-й Западной армии, которая с самого открытия нынешней кампании, до соединения армий у Смоленска, составляя арьергард, одна почти удерживала превосходнейшего силами неприа-

теля и не могла быть ни сменяема, ни подкрепляема казачьими полками в отдельном отряде с генералом Платовым находившимися, пришла в крайнее ослабление и особливо со стороны лошадей, из коих значительное количество потеряно убитыми, а прочие все изнурены. На пополнение их могут быть обращены одни только ремонты, но оных будет весьма недостаточно. Обстоятельство сие поставило меня по Всемилостивейше возложенному на меня званию военного министра...»²² и т.д. Военачальник, по-видимому, не допускал мысли о том, что кавалерия 2-й армии также могла «прийти в крайнее ослабление», что подтверждается «Ведомостью о недостающем числе людей в полках 2-й Западной армии с означением сколько на пополнение сего недостатка поступает людей и каких именно полков» и приказом по 2-й Западной армии от 19 августа 1812 г.: «В Ахтырский гусарский полк: Павлоградского и Ахтырского гусарских полков унтер-офицеров 15-ть, музыкантов 4, рядовых 213-ть, нестроевых 3, итого 235-ть человек, из которых генерал-майору Сиверсу, укомплектовав Ахтырский гусарский полк, остальных обратить на укомплектование драгунских полков. В драгунские полки 2-й Западной армии из эскадронов драгунских полков под командою полковника Себеки [или Семейки?] унтер-офицеров 4, музыкантов 2, рядовых 100, нестроевой 1, итого 107. Всех сих людей предоставляется распределить господину генерал-майору графу Сиверсу...»²³ (см. также: Ведомость полкам и командам, поступающим от генерала от инфантерии Милорадовича во 2-ю Западную армию от 18 августа 1812 года)²⁴. Во 2-ю армию на укомплектование полков поступило 342 человека, а в 1-ю армию – около 1000 человек, но там и кавалерийских полков было больше.

Н.П. Поликарпов не снабдил соответствующим комментарием следующий по времени создания документ. 19 августа Кутузов направил Багратиону предписание, в котором вполне определенно сказано: «По настоящем соединении 1-й и 2-й армий я предположил составить общий арриергард армий под командою, впредь до повеления, генерал-лейтенанта Коновницына. Войски, в состав оного входящие суть следующие: / От 1-й армии: Изюмский гусарской и Польской уланской, егерские полки 1, 18, 19, 33, 34, 40-й, 3-я пехотная дивизия, 1 батарейная и 1 конная [артиллерийская] роты. / От 2-й армии: егерских 3 полка по усмотрению Вашего Сиятельства, Ахтырской гусарской, Литовской уланской, 1 конная артиллерийская рота, полки войска Донского 2-й армии. / Вследствие чего войски, назначаемые от 2-й армии, завтра, с выступлением оной, высланы быть должны на большую дорогу, на позицию, занимаемую ныне

1-ю армиею, и при приближении арриергарда к нему примкнут, вступив в оный по назначению генерал-лейтенанта Коновницына»²⁵.

Таким образом, «общий арьергард» должен был состоять из войск обеих армий, пропорционально численности каждой из них; в нем преобладали войска 1-й армии. Н.П. Поликарпов сделал по этому поводу следующее замечание: «Было ли это повеление отменено и заменено другим – неизвестно, но дело в том, что идея „общего арьергарда“, не осуществилась, по-видимому, потому что французский авангард все время наступал тремя отдельными параллельными колоннами по трем различным дорогам и вследствие этого и наш арьергард... тоже разделился на три колонны, хотя и находившиеся в постоянной связи между собою, но действовавшие вполне самостоятельно... При этом надо заметить, что и состав всех их значительно превосходил указанную князем Кутузовым норму»²⁶. Но, судя по дальнейшей переписке П.И. Багратиона с П.П. Коновницыным, главнокомандующий 2-й армией понял это предписание так, что *драгунские полки 2-й Западной армии с 19 августа не должны были состоять в общем арьергарде* (курсив наш. – Л.И.). Однако для 2-й армии это обстоятельство имело даже большее значение, чем для 1-й, так как в тот же день граф Сиверс направил князю Багратиону рапорт, заканчивавшийся словами: «Испрашиваю разрешение – должен ли я подкреплять генерал-лейтенанта Коновницына, ежели он будет атакован в позиции при селении Колокольне?». В тот же день Сиверс направил Багратиону и другой, весьма показательный с точки зрения субординации рапорт из с. Покровка, помеченный словом «Секретно»: «Вашему Сиятельству доношу, что по окончании наступательного неприятельского движения на арриергард 1-й армии замечено, что неприятель довольно сильной также принял вправо и остановился против моего поста. Полагаю, что завтрашний день буду атакован, сделаю неприятелю отпор. Но ежели оной будет в превосходных силах и ежели удержать будет невозможно, почему испрашиваю Вашего Сиятельства, куда в таком случае мне отступить»²⁷. Совершенно очевидно, какие бы «предположения» не возникали у Кутузова по поводу «общего арьергарда», но за приказом, кого защищать и куда отступить в случае неудачи, граф Сиверс обратится не к Коновницыну, а к князю Багратиону, и он выполнит только приказ главнокомандующего 2-й Западной армией. Вынужденный постоянно согласовывать свои действия с Коновницыным, «левый арьергард» вполне мог оказаться отрезанным от войск 2-й армии. К тому же у Сиверса не было уверенности в том, что в критической ситуации к нему на помощь придут остальные войска,

подчиненные Коновницыну. Дальнейшие события показали, что Сиверс тревожился не напрасно.

Атакован арьергард Сиверса был не на следующий день, а в тот же самый, 19 августа, и после «дела при селе Колесники» вынужден был отступить. По справедливому замечанию Н.П. Поликарпова, Коновницын «отступал довольно быстро» и «арьергард... графа Сиверса не мог уже „держаться со всем усилием на одной высоте“ с центральным арьергардом... Коновницына». 20 августа граф Сиверс не о чем не докладывал князю Багратиону, который, однако, получил в тот день рапорт генерал-лейтенанта Коновницына, который его насторожил: *«Не считая удобным сделать перемену кавалерийских полков по новому составу арьергарда доколе оной проходить будет равнины (курсив наш. – Л.И.), коими и сегодняшней марш большою частию должно следовать, ибо сказанную перемену не можно произвести без ослабления кавалерии в одном или в другом месте, которая при том по невозможности употребить в равнинах пехоту должна одна удерживать неприятеля. Я донес об обстоятельстве сем г. генералу от кавалерии барону Бенингсену и, предписав генерал-майору Сиверсу оставить еще сегодня при себе всю кавалерию, доколе не войдет в места закрытые, имею честь почтеннейше донести о том и Вашему Сиятельству. / P.S. Сию минуту получил я известие, что неприятель меня на всех пунктах атакует»*²⁸. По-видимому, письмо это не понравилось князю, хотя Коновницын и согласовал свои действия с начальником Главного штаба Беннингсеном, с которым у князя Багратиона сложились несравненно более дружеские отношения, чем с Кутузовым. Коновницын учитывал это обстоятельство, объясняя причину задержки в арьергарде драгунских полков 2-й армии. Почувствовав, что в рапорте не достаёт аргументов, объяснявших это «самоуправство», Коновницын в тот же день, 20 августа, направил еще один рапорт (получен 21 августа), который должен был убедить князя Багратиона в «крайности», испытываемой арьергардом: *«Вашему Сиятельству имею честь донести, что сего числа в продолжении целого дня с 7-ми часов утра неприятель с большим числом кавалерии и пехоты и с орудиями самого большого калибра преследовал арьергард. Несколько раз удерживали мы место и всегда были принуждены уступать оное, следуя шаг за шагом. <...> Арьергард весь расположился при деревне Полянинове за 7 верст от Дурынина»*²⁹.

Невзирая на «почтеннейшие» донесения Коновницына, князь Багратион был далек от того, чтобы забыть о своем подчиненном, хранившем молчание 20 августа. Сиверс «отчитался» перед князем за действия

арьергарда 2-й армии 19 августа через двенадцать дней – 7 сентября, когда его начальник уже при смерти лежал на одре болезни: «19-го числа при отступлении арриергарда 1-ой западной армии из города Гжатска под командой генерал-лейтенанта Коновницына – я с вверенным мне арриергардом 2-ой армии состоял под командою его и имел отступление из села Рожества. Отправив вперед три егерские полка, оставя только 2 роты для прикрытия кавалерии в местах закрытых, я был атакован неприятелем при самом выступлении из села Рожества, но отрядом полковника Эмануэля и действием его орудий и фланкером его полка неприятель был остановлен, отступление продолжалось в наилучшем порядке. <...> Я с вверенным мне арриергардом следовал с леваго фланга три версты до селения, при котором начинается большой лес, простирающийся на 20 верст (очевидно, д. *Колесники*); я за нужное нашел непременно казачьими полками, подкрепляемыми несколько эскадронами гусар, не допустить неприятеля занять упомянутое селение и войти в лес, дабы не быть принужденным к дальнейшему отступлению с арриергардом и обеспокоен в следовании, а коммуникация между обоими арриергардами не пресечена неприятелем...»³⁰ Поздний по времени рапорт Сиверса опубликован в сборниках документов среди «синхронии». Это действительно позволяет избежать «сбоя» в хронологии, но отнюдь не отражает насущных забот, существовавших 19 августа и утративших актуальность 7 сентября. А 19 августа особую остроту приобрела тема, проходящая красной нитью через все синхронные рапорты Коновницына и Сиверса князю Багратиону, о возвращении во 2-ю армию драгунских полков. Тем более что Багратион в целом был недоволен действиями Сиверса при деревне (селении) Колесники, а задомно и Коновницыным. 21 августа Сиверс доносил Багратиону: «Получив через прапорщика Гевлича письменно от начальника Генерального штаба объявление неудовольствия вашего сиятельства на меня, что последовало с моей стороны отступление против предположения вашего сиятельства, я сделал распоряжение со всем моим отрядом идти опять вперед в Колесники... Сегодня же поутру, получив приказ... Коновницына, в котором предписывает мне с отрядом моим по моей дороге содействовать его действиям при селении Поляниновой... и в коммуникации с ген[ерал]-лейт[енантом] Коновницыным буду соображать мои с его движениями».

Рапорт П.П. Коновницына князю П.И. Багратиону от 21 августа из селения Поляниново гласил: «Светлейший князь Голенищев-Кутузов предписал мне, дабы с ариергардом держался долее и что для армии

нужно 4 часа времени. <...> Согласно сему приказано было от меня и генерал-майору графу Сиверсу, дабы он удерживая левый фланг ариергарда со всем усилием, держался с ариергардом моим на одной высоте. Получив повеление Вашего Сиятельства, дабы Сиверс согласно воле Вашего Сиятельства удержал позицию при Колесниках, и сам буду при Поляниново держаться также. Я буду также, естли надобность потребует, подкреплять графа Сиверса»³¹. Судя по тексту рапорта, князь Багратион снова высказал Коновницыну неудовольствие по поводу задержки драгунских полков, оставления Сиверсом позиции при д. Колесники, что, по-видимому, явилось следствием того, что Коновницын вовремя не оказал поддержки «южному отряду».

В рапорте Сиверса от 21 августа сообщалось: «Я с отрядом нахожусь при селении Поповкове (Поповке)... Имею уже три полка егерские и полк Ахтырский гусарской. Оставил при Батюшкове четыре орудия и два эскадрона. Не знаю, будет ли от генерал-лейтенанта Коновницына два или три полка пехотные. Он мне дает знать, что нужно только сегодня удержаться при Дурикине (Дурыкиной). <...> В прочем исполню все, что возможно»³². Под «возможным» князь Багратион, по-видимому, подразумевал возвращение к армии драгунских полков, потому что 2-я армия фактически осталась без кавалерии (не считая 2-й кирасирской дивизии). Отметим, что Сиверс не упоминал в рапортах Литовский уланский полк, который, по-видимому, не совсем подходил для арьергардных боев. Так, А.И. Сапожников пишет: «В армии Багратиона таким же (как и Польский уланский полк в 1-й армии. – *Л.И.*) неблагонадежным оказался Литовский уланский полк... Оба полка были укомплектованы уроженцами от Речи Посполитой земель. <...> Русское командование в период отступления не могло положиться на эти два уланских полка»³³; количество дезертиров в них было значительным.

В тот же день была предпринята первая попытка «изъять» из арьергарда 2-ю драгунскую бригаду 4-го кавалерийского корпуса графа Сиверса под командованием полковника Г.А. Эммануэля, известившего князя П.И. Багратиона рапортом из селения Барыши: «Граф Сиверс в повелении своем сего августа от 21-го числа предписал мне следовать с вверенным мне Киевским драгунским и Новороссийским полками ко 2-й Западной армии через Дуриково (Дурыкино), но естли бы по сему тракту нашлись открытые места, где кавалерию действовать удобно, там остановиться и донести о сем Вашему Сиятельству. Во исполнение чего, найдя открытое удобное место для действия кавалерию по дороге

ведущей от Дурикова во [ожидании] арьергарда. О чем Вашему Сиятельству донести честь имею»³⁴.

22 августа «вступила армия в лагерь при Бородине»³⁵. В тот же день граф Сиверс сообщал князю Багратиону: «Полученным приказом генерал-лейтенанта Коновницына пехота арьергарда 1-й армии выступает сегодняшнего утра к селению Гриневу (Гридневу), кавалерия – к селению Твердикову, почему отряда моего егерские полки располагаются вблизи Гринева, а кавалерия и конная артиллерия остаются при Поповке в позиции; все казачьи полки оставляют посты ввиду неприятеля, а сами несколько подаются назад»³⁶. То есть «левый отряд» двигался следом за 2-й Западной армией. Из упомянутого селения (в рапорте Коновницына – деревни) Твердики генерал-лейтенант Коновницын доносил князю Багратиону: *«По необходимости иметь на случай сегодняшнего дела с неприятелем более кавалерии, я всепокорнейше Ваше Сиятельство прошу позволить драгунские полки 2-й армии в арьергарде находящиеся, оставить еще до завтра»* (курсив наш. – Л.И.). О неприятеле я имел честь доносить вчерашнего числа Вашему Сиятельству. Двухдневное его бездействие заставляет меня стараться узнавать не примет ли он другое направление, но достоверного о том ничего сказать не можно. В прочем, сказанные драгунские полки не чувствуют здесь никакого изнурения, имеют все удобства в водопоях, весьма достаточный корм и употребляются на безопасной дистанции (!!!) для показывания только неприятелю большего числа кавалерии. В партии и разъезды они не употреблялись ни разу»³⁷. В тот же день в «час по полудни» из д. Поповка граф Сиверс вторил Коновницыну: «Вашему Сиятельству имею честь донести, что все благополучно. На аванпостах никакие движения неприятеля не замечены. Как и генерал-лейтенант Коновницын, так и я с вверенным мне отрядом, заняли позицию и в готовности делать неприятелю отпор»³⁸.

Созданная в рапорте Коновницына «драгунская идиллия» продолжалась недолго. Вскоре он уже доносил Багратиону: «Имею честь донести Вашему Сиятельству, что в продолжении сегодняшнего дня арьергард оставался в своей позиции. Неприятель делал покушения на левое наше крыло под командою генерал-майора графа Сиверса, но был прогнан. Он приближался также в центре, но без успеха, и вероятно для обозрения наших постов... Слухи есть, что неприятель намерен принять направление на правой наш фланг, по дороге на Рузу, но известие требует подтверждения и для удостоверения в том приказано от меня отрядить на ту дорогу два казачьих полка; а для наблюдения дорог с

левого фланга, от стороны Гжати к Верии идущих, приказано генерал-майору Сиверсу послать два эскадрона и партию. <...> Ариергард 2-й Западной армии под командою генерал-майора Сиверса, оставя свою кавалерию впереди наравне с кавалериею ариергарда 1-й армии, пехоту свою сблизит [к] селению Гриднева, кавалерию генерал-лейтенанта Уварова к монастырю Колонскому (так в тексте. – *Л.И.*)»³⁹. Об этом же в тот же день сообщал и Сиверс: «Сейчас направляю под командой Ахтырского гусарского полка майора Дуванова два эскадрона оного полка, один эскадрон Новороссийского драгунского и тридцать два драгуна стрелков из полков Киевского и Новороссийского; к сему отряду присоединятся сто пятьдесят человек казаков, я надеюсь, что сей отряд выполнит намерение остановить несколько дерзкое фуражирование (неприятельской партии. – *Л.И.*). Желая иметь честь получить Ваше одобрение»⁴⁰. Из сказанного становится очевидным, что бригада полковника Эммануэля до 2-й армии в тот день не дошла...

Утром 23 августа М.И. Кутузов доносил императору Александру I: «Ариергардом командует ныне генерал-лейтенант Коновницын. Важных дел в сем корпусе еще не происходило, но неприятель удерживается в большем к нам почтении»⁴¹. Но неприятель в тот же день, утратив «почтение», обрушился на «общий арьергард» при Гриднево. Из рапорта Коновницына князю П.И. Багратиону 23 августа 1812 г. (д. Колонек) следует, что в деле принимала участие вся кавалерия: «Имею честь Вашему Сиятельству донести, что сего числа неприятель атаковал передовые посты ариергарда в 9-ть часов. <...> Но был кавалериею остановлен. <...> К концу дела кавалерия наша заняла снова позицию около деревни Валуева. <...> Кавалерия довольно выдерживала огонь неприятельской. Пехота же, по причине равнин, в деле не участвовала»⁴². Об этом же позже сообщалось в рапорте Сиверса князю Багратиону от 7 сентября: «По выступлении 23-го числа из с. Поповки оба ариергарда были атакованы неприятелем. Генерал-лейтенант Коновницын, весьма сильно атакован будучи, приказал мне с кавалериею и артиллериею присоединиться к нему – препоручил мне командование над всей кавалерией обоих ариергардов в то время, как неприятель большею частию своих сил обошел его правый фланг что и принудило его к отступлению. Генерал-лейтенант Коновницын, дважды останавливаясь на выгодных позициях, артиллериею делал отпор неприятелю и подкрепляем кавалериею оною, остановил, быстро его наступление; ночь прекратила действие с обеих сторон и вверенный мне ариергард расположился на биваках впереди Колоцкого монастыря на Ель-

нинской дороге при селении Рожестве»⁴³. Получить командование над всей кавалерией арьергарда, безусловно, было почетно, но для уяснения сути происходившего следует обратить особое внимание на «отчаянный» по содержанию рапорт Сиверса, отправленный 24 августа в 6.30 утра «с бивака по Ельнинской дороге», который, за исключением Н.П. Поликарпова, исследователи не замечают: «Вследствие приказа главнокомандующего князя Кутузова ген[ерал]-[лейтенант] Коновницын предписал порядок отступления войск, под его командою состоящих, и где какому корпусу остановиться по приближении к армиям, о вверенном же мне 4-м резервном корпусе в сказанном приказе ничего не упомянуто. Прошу, по приближении к армии, указать на какой позиции мне с полками остановиться»⁴⁴.

По мере приближения к войскам 1-й Западной армии по Новой Смоленской дороге, оставляя позади преследовавшего неприятеля (что, бесспорно, было большим успехом), Коновницын «упустил из виду» распорядиться о маршруте движения арьергарда 2-й армии, которому нечего было делать на «большой дороге». Можно предположить, что граф Сиверс с Ахтырским гусарским полком, драгунской бригадой Эмануэля и тремя полками егерей двигался на соединение со 2-й армией с раннего утра, как и указано в его рапорте, с 6.30, так как уже накануне, 23 августа, он получил распоряжение Коновницына: «Я имею повеление... Коновницына в дело не вступать, а только прикрывать отступление фланкерами, если неприятель покажется»⁴⁵. Н.П. Поликарпов в связи с этим отмечал: «Вследствие отступления центрального арьергарда г[енерал]-л[ейтенанта] Коновницына от Колоцкого монастыря к селу Бородино вся тяжесть отступательного боя 24 августа невольно пала на долю арьергарда ген[ерала] графа Сиверса 1-го и состоявшего при нем казачьего отряда г[енерал]-м[айора] Карпова. Оба они отступали 24 августа по Старой Смоленской дороге через д. Ельню и упорно задерживали „на многих пунктах“, прибегая к содействию артиллерии, стремительное наступление 5-го польского корпуса ген[ерала] князя Понятовского, наступавшего на село Ельню в обход левого фланга Бородинской позиции. Отступая с боем арьергард ген[ерала] графа Сиверса 1-го и казачий отряд ген[ерала] Карпова 2-го, пройдя село Ельню, свернули к северу. Арьергард ген[ерала] графа Сиверса 1-го продолжал дальнейший свой путь, присоединился к стоявшему уже на позиции при деревне Шевардино отряду г[енерал]-л[ейтенанта] князя Горчакова 2-го и принял вместе с ним блистательное участие в сражении 24 августа при деревнях Доронино и Шевардино, а казачий отряд г[енерал]-[май-

ора] Карпова 2-го остался близ Старой Смоленской дороги у высоты южнее деревни Утицы»⁴⁶.

Н.П. Поликарпов сокрушался, что «подробности о действиях арьергарда ген[ерала] графа Сиверса 1-го... до начала сражения 24-го августа при д.д. Доронино и Шевардино не сохранились», однако, ссылаясь на наградные списки «некоторых офицеров арьергарда ген[ерал]-майора графа Сиверса», отмечал, что бой был упорным: «Свиты его величества по квартирмейстерской части поручик Четыркин „при следовании арьергарда ген[ерал]-майора графа Сиверса 1-го августа 24[-го] от Колоцкого монастыря по Ельнинской дороге на соединение с армией в действии с наступающим неприятелем устраивал батареи в таких пунктах, в которых самый большой вред неприятелю нанесен был, и содействовал вредить неприятелю с оных батареями“; Конной №9 роты 3-й резерв[ной] артилл[ерийской] бригады подполковник Паркенсон, штабс-капитан Кондратенко, поручик Томич, подпоручик Сумароков „находясь в арьергарде ген[ерал]-майора графа Сиверса 1-го, августа 24[-го] при отступлении через село Ельню к армии и того же числа при неприятельской атаке на левый фланг армии и во всех оных случаях устроенными батареями действовали храбро, с успехом и наносили неприятелю много вреда“»⁴⁷.

В том, как Н.П. Поликарпову представляются события «Шевардинского дела» нельзя не заметить некоторых противоречий: «Войска под общим начальством г[енерал]-л[ейтенанта] князя Горчакова 2-го составляли левый крайний фланг на Бородинской позиции 2-й Западной армии, вскоре, и главное, вовремя, усиленный арьергардом ген[енерал]-м[айора] графа Сиверса 1-го, прибывшего из села Ельня»⁴⁸. Но из предыдущего описания событий явствует, что именно арьергард Сиверса и «навел» неприятеля на Шевардинский редут. Очевидно, что первые выстрелы с укрепления раздалась в направлении не Новой, а Старой Смоленской дороги, по которой за Сиверсом шел корпус Понятовского. Заметим, что войска 2-й Западной армии занимали «боевое расположение» так, как будто ожидали обхода со стороны самой опасной для них Старой Смоленской дороги. Согласно исследованиям А.А. Смирнова, самый длинный фас Шевардинского укрепления («60 шагов в длину») был обращен в сторону деревни Доронино, т.е. к «Старой Смолянке». Представляется, что князь Багратион, сознавая опасность, нависшую над всем 4-м кавалерийским корпусом, входившим в состав его армии, задержал отступление к д. Семеновское «крайнего фланга 2-й Западной армии», оставив на позиции у Шевардинского редута

участок «кор де баталь» князя Горчакова 2-го. Более того, размещение войск Горчакова у с. Доронина указывает на то, что наиболее вероятным считалось нападение именно со стороны Старой Смоленской дороги в случае, если арьергарду графа Сиверса не удастся оторваться от преследования, что на самом деле и произошло. Опасения за судьбу арьергарда подтверждает присутствие у Шевардинского редута дивизии тяжелой кавалерии генерал-майора Дуки, притом что кирасир не принято было ставить в первую линию, но это было единственное кавалерийское соединение, которое на тот момент оставалось в армии князя Багратиона. Причем весь корпус Сиверса присоединился к отряду Горчакова не сразу. Это можно заметить из рапорта командира 1-й бригады генерал-майора И.Д. Панчулидзева П.П. Коновницыну от 27 августа: «Я не имею надобности описывать Вашему Превосходительству храбрость и мужество всех кавалерийских полков, бывших 24-го числа сего месяца в арьергарде 1-й Западной армии, состоящих под командою моею. Ваше Превосходительство изволили быть очевидным свидетелем оногo»⁴⁹. В то время как войска, входившие в «южный арьергард», двигались по Старой Смоленской дороге, бригада Панчулидзева (Харьковский и Черниговский драгунские полки), по-видимому, все еще находилась в арьергарде Коновницына. Об этом свидетельствует и рапорт Панчулидзева командующему кавалерией 2-й Западной армии генерал-лейтенанту князю Д.В. Голицыну от 4 сентября 1812 г.: «Ваше Сиятельство изволили установить сами Черниговский драгунский полк при батарее, на которой находился господин генерал-лейтенант князь Горчаков, примыкая к оной левым флангом»⁵⁰. Не следует забывать и про три егерских полка, назначенных в арьергард, которым несравненно труднее было оторваться от неприятеля. Об этом свидетельствует «Список чиновникам Свиты Его Императорского Величества по Квартирмейстерской части в сражении противу французов 24-го и 26-го числа августа отличившихся» от 9 сентября 1812 г.: «Колонновожатый Шрам, прикомандированные: путей сообщения инженер-капитан Гоциуш – 24 августа, находился при генерал-майоре Вистицком на левом фланге и был употребляем под картечными и ружейными выстрелами для осмотра дорог и для провода фланкеров, коих при ретираде останавливал и поступал с отличным усердием и неустрашимостью»⁵¹. К чему было «осматривать дороги» и проводить по ним «фланкеров», если бы они примкнули к войскам заранее?

Таким образом, можно прийти к выводу, что нападение неприятеля на Шевардинский редут является следствием непрерывного преследо-

вания соединенных армий неприятелем, когда, по мере приближения к Москве, Наполеон стремился любой ценой навязать генеральное сражение. В период с 17 по 24 августа три наших арьергарда – «центральный», «южный» и «северный», сдерживая натиск противника, дали возможность русскому командованию выбрать позицию и расположиться на ней. Однако близость арьергардов к главным силам армии не позволила полностью исключить угрозу «вовлечения» в генеральную битву до того, как все войска успеют «войти в линию». Именно с целью «принять арьергард» значительные силы 2-й армии продолжали оставаться в позиции при Шевардине: «Отряд... князя Горчакова 2-го мог принять на себя отступавшие арьергарды... Коновницына и... Сиверса, которые несомненно погибли бы в неравном бою под натиском превосходных сил французов, обошедших наши арьергарды с обоих флангов...»⁵² В особенно тяжелом положении оказался арьергард под командованием генерал-майора Сиверса, который с утра, по словам Н.П. Поликарпова, «жертвовал собой», сдерживая корпус Понятовского, двигавшийся в обход левого фланга русской позиции по Старой Смоленской дороге. Именно отсюда началась первая фаза (по свидетельству Багратиона, в 10.00) Шевардинского сражения, в которое около 14.00 вступили войска Наполеона, продвигавшиеся по Новой Смоленской дороге. «Шевардинское дело» – это не только пролог Бородинского сражения, но и эпилог арьергардных боев между Гжатском и Бородином.

По словам французского генерала Ж.Ж. Пеле, «Император, введенный в заблуждение картами, не угадал позади арьергарда странного расположения Кутузова. Полагая, что корпус Горчакова поставлен впереди русской армии для поддержания Коновницына, он приказал 5-й пехотной дивизии Компана... атаковать неприятеля». Пеле считал, что Наполеон отложил бы атаку, если бы сразу догадался, что перед ним не что иное, как левый фланг противника, не успевший разместиться на позиции. Преждевременное нападение могло спугнуть русских, заставить продолжить отступление, отказавшись от столь желанного для французов сражения. Думается, что деликатность императора Франции не простиралась так далеко, и он не только догадался о назначении корпуса Горчакова, но почувствовал удачную возможность открыть «большое сражение». Его войска, сломив сопротивление Горчакова, могли смять левый фланг армии Багратиона, не успевшей встать на позицию у Семеновского. Именно как атаку левого фланга расценивали это нападение Кутузов и Багратион в рапортах Александру I. Разыгралась «классическая» ситуация, суть которой была изложена Кутузовым

в донесении императору Францу II еще в ноябре 1805 г. во время «австрийской» кампании: «Когда часть войск вступает в дело, случается надобность подкреплять их, от чего может завязаться большое сражение...»⁵³ Это сражение, по словам Кутузова, «закончилось к чести русского оружия».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001. С. 45.

² Там же. С. 45.

³ *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. М., 2011. С. 146.

⁴ *Смирнов А.А.* Артиллерия Шевардинского редута // Отечественная война 1812 года: Материалы X Всерос. науч. конф. (Бородино, 3–5 сентября, 2001 г.). М., 2002. С. 183.

⁵ *Ермолов А.П.* Записки А.П. Ермолова, 1798–1826 гг. М., 1991. С. 184–185.

⁶ Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 86–87.

⁷ Там же. С. 331.

⁸ Бородино в воспоминаниях современников. С. 35.

⁹ *Хлесткин В.М.* Канун Бородина. М., 2008, С. 99.

¹⁰ Бородино в воспоминаниях современников. С. 35.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Бородино: Документ. хроника. М., 2004. С. 119.

¹³ *Ивченко Л.Л.* Бородинское сражение: История рус. версии. М., 2009.

¹⁴ Бородино в воспоминаниях современников. С. 36.

¹⁵ *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 185.

¹⁶ *Полицартов Н.П.* К истории Отечественной войны 1812 года (по первоисточникам): Забытые и неописанные военной истории сражения Отечественной войны 1812 года, вызвавшие своим ходом решительное (генеральное) сражение 26 августа 1812 года при селе Бородине. Вып. 2: Боевые действия центрального арьергарда (генерал-лейтенанта Коновницына 1-й Западной армии, отдельного отряда генерал-майора Крейца и арьергарда (генерал-майора графа Сиверса 1-го) 2-й Западной армии в районе Большой Смоленско-Московской дороги между городом Вязьмой и деревней Шевардино с 17-го по 24-е августа 1812 года. М., 1911; *Он же.* Боевой календарь-ежедневник Отече-

ственной войны 1812 года (Перечень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 августа 1812 года). М., 2011.

¹⁷ *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. С. 344.

¹⁸ Бородино: Документ. хроника. С. 17–18.

¹⁹ Там же. С. 17.

²⁰ Там же. С. 20.

²¹ *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. С. 334.

²² Бородино: Документ. хроника. С. 29.

²³ Там же. С. 27.

²⁴ Там же. С. 22.

²⁵ Там же. С. 37.

²⁶ *Поликарпов Н.П.* Забытые и неописанные военной истории сражения Отечественной войны 1812 года... С. 13.

²⁷ Бородино: Документ. хроника. С. 39.

²⁸ Там же. С. 47.

²⁹ Там же. С. 51.

³⁰ Там же. С. 44–45.

³¹ Там же. С. 53.

³² Там же. С. 55.

³³ *Сапожников А.И.* Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб., 2012. С. 104.

³⁴ Там же. С. 62.

³⁵ Там же. С. 63.

³⁶ Там же. С. 64.

³⁷ Там же. С. 64.

³⁸ Там же. С. 67.

³⁹ Там же. С. 67–68.

⁴⁰ Там же. С. 63–64.

⁴¹ Там же. С. 76.

⁴² Там же. С. 85.

⁴³ Там же. С. 91.

⁴⁴ *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. С. 354–355.

⁴⁵ *Он же.* Забытые и неописанные военной истории сражения Отечественной войны 1812 года... С. 47.

⁴⁶ *Он же.* Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. С. 357.

⁴⁷ Там же. С. 357.

⁴⁸ Там же. С. 357.

⁴⁹ Бородино: Документ. хроника. С. 166.

⁵⁰ Там же. С. 177.

⁵¹ Там же. С. 215.

⁵² *Поликарпов Н.П.* Забытые и неописанные военной истории сражения Отечественной войны 1812 года... С. 49.

⁵³ М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1951. Т. II. С. 131.